

А. Ю. Фомин

Война и «смута»: военное ведомство в борьбе за сохранение лояльности армии в 1905–1907 гг.

Болезненное поражение России в войне против Японии немедленно стало предметом рефлексии в военной среде. В этой статье основное внимание будет уделено размышлениям российских военных различного ранга о внутренних, прежде всего политических факторах, оказавших влияние на неудачи русской армии. И главным таким фактором для многих являлась внутренняя «смута», как в правых и официозных кругах было принято иносказательно называть охватившую страну параллельно с решающими столкновениями на Дальнем Востоке волну антиправительственных выступлений. «Наша внутренняя смута тяжела и опасна. Она много причинила нам бед. Отчасти благодаря этой смуте мы так неудачно окончили войну с Японией», — писал в 1906 г. есаул 4-го сибирского казачьего полка Гавриил Щербаков в записке на имя великого князя Николая Николаевича, в тот момент возглавлявшего созданный в целях повышения эффективности военного управления Совет государственной обороны¹.

За утверждением Щербакова о том, что начавшаяся «смута» помешала России выиграть войну, стояла довольно простая логика. Подразумевалось, что Россия даже после череды чувствительных поражений на суше и на море все равно была способна одолеть серьезно уступающую ей в военно-экономическом потенциале Японию, если бы ей удалось в полной мере мобилизовать свои

превосходящие ресурсы и направить их на Дальний Восток. Чего, согласно этой версии, не позволила сделать разгоревшаяся внутренняя «смута», заставившая Россию пойти на заключение мира, зафиксировавшего победу Японии. Однако реальность была сложнее этой схемы. На последнем этапе войны российская группировка в Маньчжурии действительно достигла существенного материального превосходства над противником, в то время как у Японии, с самого начала действовавшей в режиме крайнего напряжения сил и достигавшей побед дорогой ценой, уже практически не оставалось возможностей для поддержания военных усилий на прежнем уровне. В Петербурге расклад сил летом 1905 г. порождал надежды на то, что переход маньчжурской армии в наступление позволит улучшить позиции России на переговорах, если не переломить ход войны. Но на войне огромную роль играет морально-психологический фактор. Российские войска (от нижних чинов до высшего командного состава) были чрезвычайно деморализованы сплошной чередой унижительных поражений, утратили веру в свои силы и отказывались даже помышлять о наступлении, усиленно окапываясь и готовя следующие оборонительные рубежи на случай так и не последовавшего (ввиду истощения японцев) удара противника. Современные историки скептически относятся к перспективам успешных наступательных действий Маньчжурской армии летом 1905 г. даже без учета фактора «смуты»². Тем более что революционная пропаганда стала оказывать существенное влияние на настроение частей действующей армии только после заключения мира, в период затянувшейся из-за забастовок на железных дорогах эвакуации войск с дальневосточного театра³. Подобная трактовка событий при всей своей очевидной натянутости была необходима для снятия с военного командования (и самого «державного вождя армии» — государя императора) ответственности за неудачный исход войны. Неудивительно, что одним из активных проводников версии о том, что мир с Японией был заключен преждевременно и фактически отнял у России победу, выступал стремившийся отмыть свою репутацию экс-главнокомандующий всеми силами на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткин⁴.

Использование для обозначения революционных выступлений понятия «смута», отсылавшего к событиям начала XVII в., подразумевало, что Россия снова находится в ситуации, когда ее внутренней слабостью и отсутствием политического единства пользуются внешние враги. Следовательно, внутренние «смутьяны», осознанно или нет, действуют в интересах внешних врагов государства, являются их инструментом, а значит, борьба с ними становится продолжением борьбы с внешним врагом и должна вестись соответствующими жесткими, бескомпромиссными методами, уподобляться боевым действиям. Такая логика полностью лишала внутреннюю оппозицию какой бы то ни было легитимности, приравнивая ее к работающим на врага предателям.

С точки зрения охранителей, наибольшую опасность представляло распристрастие «смуты» на армию — последнюю опору государства в борьбе с внешними и внутренними врагами.

Главным средством борьбы со «смутой» в войсках упоминавшийся выше есаул Щербаков считал укрепление в сознании нижних чинов (а через армейскую «школу» и народа в целом) верноподданических настроений, монархической идеи, которую он описывал в возвышенных, почти поэтических выражениях: «Воспитывая солдата в духе преданности вере, государю и отечеству, следует внушить ему твердое убеждение, что всем управляет на небе — бог, а на земле — царь; что идея царского управления развита всюду и подтверждается всем мирозданием. Что все животные, звери, птицы и даже насекомые, все имеют своих предводителей, своих старших, которым подчиняются. Что как солнце на небе светлее и больше всех звезд, так и государь старше и почетнее (так в тексте. — А. Ф.) в своем государстве всех людей, что люди, не признающие главенства царя на земле — безбожники, бунтовщики-революционеры, что их надо сторониться как зачумленных»⁵.

Есаул Щербаков обращался к великому князю Николаю Николаевичу, преследуя прагматические личные цели. Он надеялся привлечь внимание влиятельного августейшего председателя Совета государственной обороны к своей брошюре «Искреннее слово к г.г. офицерам русской армии о необходимости борьбы с революционной пропагандой». Щербаков надеялся, что великий князь заметит его, а также поможет с распространением в войсках брошюры, сулившим ее автору финансовые дивиденды. Брошюра, по всей видимости, не произвела на великого князя должного впечатления, и Щербакову не удалось получить от ее представления существенных карьерных и материальных выгод, но направление мысли верхов он угадал верно. В военном ведомстве циркулировали схожие идеи относительно роли «смуты» и методов борьбы с ней.

27 февраля 1906 г. приказом по военному ведомству был воссоздан существовавший при Д. А. Милютине Комитет по образованию войск при Военном совете⁶. Указание об учреждении Комитета по образованию войск для пересмотра воинских уставов с учетом опыта войны на Дальнем Востоке военный министр А. Ф. Редигер получил от императора⁷. В функции возрожденного Комитета входило также общее рассмотрение вопросов, связанных с воспитанием войск и поддержанием их морального духа. Соответственно, прямой задачей Комитета являлась разработка мер, направленных на укрепление дисциплины в войсках и устранение влияния революционной агитации.

На этот счет первый председатель Комитета, генерал С. Н. Мылов, получил руководящие указания военного министра. Волю министра довел до Мылова начальник Главного штаба: «...военный министр находит нужным принять и другие меры общего характера, из числа которых особенное значение имеет контроль книг и газет в казармах»⁸.

Для исполнения поручения министра Комитету передавались полномочия по контролю над предназначавшейся для распространения в войсках печатной продукцией, ранее принадлежавшие Части по изданию уставов и положений

об образовании войск в составе 3-го отделения Главного штаба. Комитет по образованию войск стал осуществлять экспертизу предназначавшейся офицерам и нижним чинам печатной продукции. Помимо специальной военно-технической и военно-исторической литературы, на рассмотрение Комитета попадали также книги, брошюры и периодические издания «воспитательного» (политинформационного) толка, распространение которых в войсках в теории должно было способствовать укреплению их лояльности и морального духа на внутреннем фронте борьбы с революционной «смутой». Издания, одобренные Комитетом, рекомендовались для выписки всем воинским частям посредством особых циркуляров Главного штаба и могли закупаться за счет полковых средств. В исключительных случаях признанные особенно полезными издания могли централизованно закупаться для всей армии за счет казны (так было, например, с газетой «Русское чтение» придворного историографа, летописца войны с Японией полковника Д. Н. Дубенского⁹).

Именно рекомендацию в циркуляре Главного штаба, фактически являвшуюся бесплатной и притом официальной рекламой на всю армию, и рассчитывал получить для своей наставительной монархической брошюры есаул Щербаков. И он был не одинок в своем стремлении. На рассмотрение Комитета по образованию войск попадали десятки сочинений и вновь учреждаемых периодических изданий для военных патриотически-охранительной официальной направленности.

Это предложение «снизу» соответствовало принципам политики в отношении военной печати, принятым Комитетом. В июне 1906 г. Комитет докладывал военному министру о желательных мерах борьбы с революционной пропагандой в армии: «Необходимо бороться с пропагандой тем же оружием, т. е. путем печатного слова. Эта борьба должна быть открытой, чтобы избавить военное ведомство от обвинения, как это случается с другими ведомствами, в правительственной пропаганде, и военное министерство должно взять руководство этой борьбой в свои руки. В данном случае оно, казалось бы, поставлено в более благоприятные условия и гарантировано от нападков (так в тексте. — А. Ф.) благодаря тому, что только одно оно и обязано воспитывать армию в духе повиновения, законности и внепартийности, что в обязанности других ведомств по отношению к населению империи не входит»¹⁰.

Предприимчивые военные и штатские деятели спешили представить военным властям свои готовые сочинения, планы по выпуску газет и журналов, а иногда и более масштабные издательско-пропагандистские проекты с просьбами о рекомендации для войск и/или казенной финансовой поддержке. Все эти проекты и прошения спускались в Комитет по образованию войск.

В 1906 г. Комитет рассматривал на предмет полезности для войск журналы «Вестник русской конницы», «Война и мир», «Русский воин», «Досуг и дело», «Деревня», «Запасной», «Разведчик», «Витязь», «Вестовой», «Крестьянское хозяйство», «Правда и знание», «Беседа», «Оружейный сборник»¹¹; газеты «Ви-

ленский военный листок», «Солдатская газета», «Газета для солдат», «Туркестанская военная газета», «Русское чтение», «Зорька», «Деревенская газета»¹²; брошюры «Общий очерк усиления России в связи с самодержавием», «Основы солдатской службы», «Гвардия и свита их императорских величеств», «Новый путь российского офицера»¹³ и др.

При этом в Комитет по образованию войск поступали свидетельства с мест о низкой востребованности среди военнослужащих массово поступающей в части «воспитательной» печатной продукции. Это касалось и офицерского состава. Временно исполняющий должность начальника штаба Сибирской казачьей бригады подьесаул А. Г. Грызов писал в Комитет, откровенно отвечая на призыв присылать соображения об улучшении военной печати и ее роли в войсках: «В корпусе (кадетском. — А. Ф.) учили меня всяким наукам, кроме науки познавать. <...> В корпусе я не читал никогда книжек. Я не любил их. С тем я и пришел в военное училище. <...> Уму и сердцу нашему никто не говорил о наших обязанностях к родине. Спроса на военные сочинения нет. Интересы к военным наукам (в офицерской среде. — А. Ф.) никакого»¹⁴.

Далее Грызов писал о падении престижа армии и воинской службы среди населения, тяжелом моральном состоянии войск, вызванном неудачной войной, внутренней «смутой» и вытекавшей из нее необходимостью исполнения воинскими частями карательных полицейских функций. Грызов предлагал довольно оригинальный выход из создавшегося кризисного положения. Средство поднятия морального духа армии и ее боеспособности он неожиданно видел не в усилении воспитательного дисциплинарного нажима и монархической пропаганды, а в своего рода демократизации военных порядков, которая должна была выражаться в расширении низовой инициативы вплоть до дозволения критики распоряжений вышестоящего начальства: «Армия никогда не будет на высоте своего положения, пока она будет находиться под гнетом постоянного сознания обязательности подчинения не достойнейшим выходцам, а людям самым обыкновенным, со всеми недостатками <...> без права ее открыто осуждать распоряжения начальства, <...> без ответственности за последствия исполнения приказаний начальника только потому, что это исполнение было бесспорным, а последствия его не были явно преступными, <...> хотя и явно было исполнителю, что приказание это не имеет целью пользу делу»¹⁵.

В свою очередь военную печать, по мнению Грызова, могла оживить и сделать по-настоящему полезной для войск политика «гласности»: «...нужно позволить обсуждать распоряжения начальства, позволить подчиненным с кротостью и пристойностью доложить своим командирам и лицам над ними стоящим не только о том, что они — эти начальники, вред приносят, а и о том, что они пользы не приносят <...> на время перестройки всего здания <...> позволить подчиненным простирать власть свою за пределы, предназначенные им законом. <...> и признать, что обсуждение причин, доведших армию до погрома, а Россию до унижения, включает в это обсуждение возможности к осуждению

действий начальства <...> ввести в закон, что послушание следует чинить только тогда, когда оно к пользе служит и службе государственной касаться будет, а не только тогда, когда оно только не во вред»¹⁶.

В заключение своей записки Грызов сформулировал либеральную сентенцию, в которой выражалась основная суть его размышлений: «Богатыри мысли и дела явятся, но явятся только тогда, когда им разрешат высказывать свои мысли и приводить эти мысли в исполнение для богатырского дела возвеличивания силы и славы земли русской. Свободные богатыри земли русской ковали силу и славу ее, а стесненный библейский богатырь разрушил здание, чтобы погибнуть самому и погубить своих притеснителей»¹⁷.

Это была позиция младшего офицера, явно попавшего под влияние либерально-освободительных настроений. Она шла вразрез с политикой военного ведомства, и положения записки Грызова не могли быть приняты Комитетом по образованию войск. Такие воззрения в большей степени относились к числу тех, которые военные власти считали необходимым искоренять. Фактически Грызов, пускай и в осторожной форме, покушался на жесткую дисциплину и субординацию — те основы военной организации, которые в верхах никто не собирался пересматривать, несмотря на признание необходимости «улучшений» в армии после проигранной войны. «Перестройка всего здания», о которой восторженно писал Грызов, не планировалась военным начальством. Демократические предложения Грызова едва ли были совместимы даже с «обновленным» в 1906 г. государственным строем России, скорее, в них можно усмотреть прообраз низовой демократизации (и последовавшей за ней постепенной дезинтеграции) армии, случившейся в 1917 г.

Военные власти также замечали, что отправление полицейских функций пагубно сказывается на настроении войск и к тому же мешает нормальному процессу военной подготовки нижних чинов. «Растаскивание» частей на отдельные команды, направляемые на помощь гражданским властям, создавало организационный хаос, нарушало систему дислокации войск, необходимую для эффективного прикрытия границ. Ведя войну внутреннюю, армия отрывалась от своих прямых обязанностей по подготовке к внешней войне. Военный министр боролся с Министерством внутренних дел, пытаясь ограничить использование армии в полицейских целях¹⁸. При этом в высших военных кругах существовала точка зрения, согласно которой вынужденная полицейская служба пагубно сказывается на дисциплине, поскольку гражданские власти нередко не давали войскам действовать с достаточной жесткостью. Войска, регулярно призывавшиеся на помощь полиции, но часто не получавшие от гражданских властей разрешения на применение оружия, начинали чувствовать свою слабость и уязвимость перед революционерами. Армия не применялась в борьбе с внутренним врагом должным образом. «Несение войсками полицейской службы, каковую им при современных условиях приходится часто исполнять, не может не отражаться на состоянии дисциплины в частях: по смыслу дисципли-

плинарного устава (§ 5) при содействии гражданским властям войска для водворения нарушенного общественного порядка действуют силой или оружием, что каждому военному очень хорошо известно; в действительности же для указанной цели войска часто вызываются, но их силой не пользуются и они бездействуют, нередко подвергаясь оскорблениям и глумлению, вследствие чего значение армии как законной подавляющей силы утрачивается. Сверх того, в войсках могут думать, что послабления в подавлении мятежного движения исходят не от гражданских властей, а от нерешительности военного начальства и, быть может, сочувствия его к незаконному движению», — говорилось в докладе специальной Комиссии, изучавшей состояние дисциплины в войсках¹⁹.

В докладе упомянутой Комиссии предлагались также меры для укрепления дисциплины и борьбы с революционной пропагандой в войсках. Комиссия констатировала, что военнослужащих нельзя было полностью оградить от влияния общей политической обстановки, невозможно было исключить проникновение в казармы «вредных идей». С ними нужно было бороться тем же оружием — с помощью контрпропаганды: «Политические события современной жизни могут интересовать и военнослужащего; он прислушивается к печатному слову и находит в большей части газет и в революционных прокламациях, оградить от которых армию трудно, объяснение некоторым явлениям в совершенно вредном и ложном направлении. Чтобы противодействовать влиянию пропаганды, полезно издание солдатской газеты, в которой понятным для них языком следует объяснить в известном направлении те явления и перемены в нашей жизни, которые возбуждают общий интерес»²⁰. Отдельно Комиссия высказалась о желательности воспитательных бесед офицеров с нижними чинами на актуальные политические темы: «В целях воспитания нижних чинов желательно большее общение с ними офицеров и очень полезны короткие, отнюдь не нудные, но вразумительные беседы в духе верного понимания долга, а также и духовное воздействие священнослужителей»²¹. Проведение офицерами политических бесед с нижними чинами считал наиболее эффективным средством борьбы с революционными влияниями в армии и военный министр Редигер. Он ставил перед офицерами задачи, подразумевавшие весьма высокие требования к их личной «политической подготовке». Офицеры, по мысли военного министра, должны были стать кем-то наподобие политработников будущей эпохи: «В этих собеседованиях указывалось не скрывать сущности учения революционеров, а напротив рассказывать их и убежденным словом доказывать нелепость этих учений, разрушительную их тенденцию и неприменимость их к общей массе населения, а особенно для крестьян»²².

Комитет по образованию войск, на рассмотрение которого поступил доклад Комиссии и мнение министра, скептически оценивал перспективы «политработы» ввиду невысокой политической грамотности самих офицеров. Опасались также и неблагонадежной «отсебятины» (к примеру, в духе подъясаула Грызова). «Этот вопрос (о политических беседах с нижними чинами. — А. Ф.) может

быть разрешен удовлетворительно только при помощи снабжения г.г. офицеров руководствами по этому предмету разъяснения — отсебятины не всегда желательны. Офицеры, особенно молодые в большинстве случаев и сами-то себе разъясняют многое плохо, а чтобы разъяснить другим, да еще в требуемом направлении и при том популярно — об этом и думать нечего», — говорилось в заключении Комитета²³.

Примечательно, что председатель Комитета по образованию войск генерал С. Н. Мылов сомневался и в эффективности борьбы с революционной пропагандой посредством одобренной властями печатной продукции, организация которой составляла одну из главных задач возглавляемого им подразделения. «Борьба с пропагандой с помощью прессы успеха не обещает. Военное ведомство не имеет для этого ни достаточных свободных сил, ни органов и в задачи, им преследуемые, не могут входить создание учений, разбивающих учение социалистов и всяких мыслителей и идеологов. Оружие будет во всяком случае неравное и неосторожно было бы отдавать на суд солдату правоту воззрений разных партий», — писал Мылов²⁴. Основные надежды в деле обеспечения политической благонадежности военнослужащих Мылов возлагал на проверенные дисциплинарно-карательные инструменты: «Гораздо более практических результатов можно ожидать от усиления наказаний как за попытки пропагандировать в солдатской среде вредных для армии учений, так и за государственные преступления, совершаемые военнослужащими; причем конечно последние должны подвергаться значительно большему возмездию за нарушение присяги и за попытки к изменению порядка не ими установленного, но ими охраняемого»²⁵.

Политические процессы эпохи поставили военное ведомство и командиров на местах перед необходимостью борьбы с распространением революционной пропаганды в армии. Правительство и консервативные круги считали армию главным, последним орудием борьбы с внутренним врагом — с революционной «смутой», однако «смута» угрожала распространиться на саму армию. В этих условиях военная администрация поняла необходимость борьбы с революционерами новыми методами (теми же, которыми пользовались сами революционеры) — путем печатной контрпропаганды и «живой» политической обработки в охранительном духе. Однако довольно скоро к военным властям пришло осознание относительной слабости, имевшегося в их распоряжении пропагандистского инструментария. Офицеры, не имевшие соответствующей подготовки, по большей части оказывались плохими «политработниками», а назидательная верноподданническая печатная продукция, которой пытались наводнить войска с помощью инициативных частных издателей, не вызывала у солдатских масс такого интереса, как отчасти отвечавшая их настроениям революционная агитация. Проигрывавшей в силе убеждения власти оставалось рассчитывать главным образом на прежние дисциплинарно-карательные методы. И в период Революции 1905–1907 гг. это по большей части сработало.

Кадровый офицерский корпус сохранил лояльность престолу и в основном сумел удержать в подчинении солдатскую массу. Однако слабые стороны старой армии в полной мере дадут о себе знать во время следующего совпавшего с тяжелой войной революционного кризиса, когда ее кадровое ядро будет размыто, а отчасти приобщившиеся к либеральной политической культуре военные верхи отринут монархическую лояльность.

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 868. Оп. 1. Д. 724. Копия доклада подполковника Генерального штаба Овсянникова окружному генерал-квартирмейстеру штаба Киевского военного округа о русской нелегальной литературе, издающейся за границей, сводки мнений высших военных начальников, переписка с Главным штабом и др. Л. 20.
- ² Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 468–469.
- ³ Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. 6. Сыпингайский период. С. 450.
- ⁴ Куропаткин А. Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 547–557.
- ⁵ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 724. Л. 24.
- ⁶ Приказы по военному ведомству за 1906. СПб., 1906. Приказ № 123. С. 200–206.
- ⁷ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 436.
- ⁸ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 724. Л. 28 — 28 об.
- ⁹ Подробнее см.: Фомин А. Ю. Первая русская революция и официозная военная печать // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 3. С. 9.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 724. Л. 34 об. — 35.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 731. К сведению и руководству комитета. Журнал заседаний комитета по вопросам о программе, результатах и причинах... Л. 3; Д. 736. О рекомендации книг, журналов и газет и о выдаче пособий. Ходатайства издателей об объявлении в приказах о выпускаемой ими периодической печати и о новых книгах. Л. 1, 171, 241, 253, 258, 280, 339.
- ¹² РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 736. Л. 1, 2, 13, 248.
- ¹³ Там же. Л. 53, 128, 139, 217.
- ¹⁴ Там же. Л. 114 — 115 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 121.
- ¹⁶ Там же. Л. 121–123.
- ¹⁷ Там же. Л. 123.
- ¹⁸ Fuller W. C. Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985. P. 129–169.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 724. Л. 12.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 28.
- ²³ Там же. Л. 99.
- ²⁴ Там же. Л. 107 об.
- ²⁵ Там же.

References

Ayrapetov, O. R. *Na puti k krakhu. Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Voенno-politicheskaya istoriya* [On the Way to Collapse. The Russo-Japanese War of 1904–1905. Military and political history. In Russ.]. Moscow, Algoritm, 2014. 496 p.

Fuller, W. C. Jr. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914*. Princeton, 1985. 336 p.

Fomin, A. Yu. *Pervaya russkaya revolyutsiya i ofitsioznaya voyennaya pechat'* [The First Russian Revolution and Paragovernmental Military Press. In Russ.]. In *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 3, p. 9. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.3\(21\).9](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.3(21).9)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Фомин. Война и «смута»: военное ведомство в борьбе за сохранение лояльности армии в 1905–1907 гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 19–29

Аннотация: Неудачная война с Японией и начавшаяся революция поставили российские военные власти и офицерский корпус в тяжелое положение. Вызовом эпохи стала борьба с распространением революционной пропаганды в войсках. Для правительства посрамленная на полях Маньчжурии армия являлась его последним оплотом в борьбе с революцией, однако существовала реальная угроза распространения революционных беспорядков на саму армию. Обстоятельства заставили военное ведомство осознать необходимость борьбы с революционерами их же методами — путем печатной контрпропаганды и устной патриотической агитации. Экспертизой предназначавшейся для войск печатной продукции и отбором полезных с точки зрения властей изданий с 1906 г. занималось специальное подразделение военного ведомства — Комитет по образованию войск при Военном совете. Через Комитет по образованию войск проходили десятки книг, брошюр, а также военных газет и журналов охранительной направленности. В Комитете считали, что официальное правительственное издание не сможет соперничать с революционной и оппозиционной прессой, делая ставку на поддержку частных изданий. Предприимчивые издатели охотно предлагали правительству свою помощь в деле борьбы с революционной пропагандой, надеясь на этом заработать. Но военному ведомству пришлось признать неэффективность этого подхода. Охранительные издания вызывали у солдат гораздо меньший интерес, чем во многом отвечавшая их собственным настроениям антиправительственная агитация.

Ключевые слова: Русско-японская война, Революция 1905–1907 гг., «смута», офицерство, военное ведомство, пропаганда, Комитет по образованию войск при Военном совете, А. Н. Куропаткин, А. Ф. Редигер.

FOR CITATION

A. Yu. Fomin. War and the “Smuta”: The Military Department’s Struggle to Preserve the Army’s Loyalty in 1905–1907 // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 19–29

Abstract: The unsuccessful war with Japan and the onset of revolution placed the Russian military authorities and officer corps in a challenging position. The challenge of the era was to combat the spread of revolutionary propaganda among the troops. For the government, the army was its last bulwark in the fight against the revolution after its humiliation in Manchuria, but there was a real threat of revolutionary unrest spreading to the army itself. These circumstances led the military authorities to realise the necessity of fighting the revolutionaries using their own methods — namely, printed counter-propaganda and oral patriotic agitation. Since 1906, a special subdivision of the military department — the Committee for the Education of Troops under the Military Council — had been examining printed matter intended for the troops and selecting publications that were useful from the authorities’ point of view. Dozens of books and brochures, as well as military newspapers and magazines with a patriotic slant, were approved by the Committee for the Education of Troops. The committee believed that official government publications would not be able to compete with the revolutionary and opposition press and therefore relied on private publications for support. Enterprising publishers were eager to offer the government their help in combating revolutionary propaganda in the hope of making a profit. However, the Ministry of War ultimately recognised the ineffectiveness of this approach.

Soldiers were far more interested in anti-government propaganda that largely reflected their own sentiments than in conservative publications.

Key words: Russo-Japanese War, Russian Revolution of 1905, *Smuta*, officers, military department, propaganda, Committee for the Education of Troops under the Military Council, A.N. Kuropatkin, A. F. Rediger.

Автор: **Фомин, Антон Юрьевич** — к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Fomin, Anton Yurievich** — Candidate of Historical Sciences, Research Fellow at Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: a.fomin1511@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4118-6089